

Евгений ПЕККИ

г. Петрозаводск



### На весенней олонецкой равнине

Говорят, что за весну самых разных пород гусей на олонецкой равнине на отдах присаживается около миллиона. Сейчас же сотни столичных любителей пострелять по живому и десятки местных охотников, а еще до полусотни иностранцев стараются оказаться в это время года вблизи старинного города Олонца, чтобы приобщиться к увлекательной охоте на гусей. Ведь это — возможность вернуться домой с завидным трофеем, глядя на который можно будет еще долго рассказывать друзьям, как был совершен удачный выстрел.

Для меня приобщение к этому волшебному охотничьему действию началось благодаря моему деду Дмитрию Петровичу Кирсанову больше сорока пяти лет назад. Когда дед мой решил, что я уже достаточно подрос, и впервые взял меня на весеннюю гусиную охоту, мне еще не исполнилось и четырнадцати лет. Потом еще лет пять мы ездили с ним именно туда, на олонецкие просторы.

Всё там, на охоте, было замечательно. Это были, наверное, одни из самых лучших минут моей жизни. Молодость и пробуждающаяся

сила бурлили во мне. Я с жадностью впитывал в себя, как губка, все увиденное и пережитое. Интересно было жить рядом с дедом, быть причастным к древнему таинству охоты, когда в свои руки можно было трепетно брать ружьё и добыть настоящую дичь.

Благодаря этим выездам я мог слушать рассказы дедовых друзей и бывалых охотников. Мне доставляло истинное наслаждение погружение в ту атмосферу житья «при раньшем времени», которое уходило прямо на глазах. Процесс этот шел неуклонно, однако вроде бы и не явно, так что не все это и замечали. Свидетелей же тех грозных дней с каждым годом становилось всё меньше.

Расспрашивать дедов о Гражданской войне, о Финской кампании, о жизни в оккупации или партизанских рейдах было практически бесполезно.

Дед мой и его товарищи были немногословны, хотя иногда любили и помусолить последние новости, услышанные по радио. Правильно ли, скажем, сделал Никита Хрущев, что сократил армию, и не за это ли его сняли? Будут ли опять брать налог с каждой личной коровы и вернуть ли власти налог на яблони?

Откровенно поделиться рассказами о событиях, происходивших с ними самими или их товарищами, желающих было немного. Только на охоте иногда из деда и его друзей у костра за рюмкой водки вдруг прорывались воспоминания. Мне иногда казалось, что они сами себе дали зарок молчания. Очень часто на вопрос, заданный, что называется, «в лоб», они взъерошивали с улыбкой мне волосы, приговаривая: «Много будешь знать — скоро состаришься». Хотя, бывало, приходилось слышать и такое: «Меньше будешь знать — лучше будешь спать».

К открытию охоты каждый год приезжали мы с дедом в одно и то же время, почти затемно на неспешном деревенском автобусе. Переваливаясь по неровностям грунтовок и расплёскивая лужи, он, фырча, за полчаса довозил нас из Олонца в Туксу.

Деревни в Олонецком крае почти все стоят, извиваясь шириной в один дом с огородом или вдоль речек, или вдоль дорог. Чаще всего это одно и то же. Кажется, с водителем этого автобуса, похожего на катафалк, все были знакомы, и поэтому он притормаживал у каждого дома, где нужно было кому-то сойти.

Вот так в первый для меня раз высадились и мы со своими пожитками у самой калитки старого, потемневшего от времени карельского дома, каких было большинство в деревне.

Из дома выглянула хозяйка и, повернувшись, закричала, как потом дед объяснил, по-карельски в сторону открытой двери в избу своим резким, даже, пожалуй, визгливым голосом. Позднее я понял, почему у многих пожилых карелок такие голоса. Очень просто! Для того, чтобы с подружкой, которая через речку живет, словом перекинуться. Ну не ехать же к ней на лодке для этого?! Такой тембр голоса был слышен отчетливо не менее чем метров за сто, а в тихую погоду и за двести. Так что новости вдоль реки разносились очень быстро.

— Яшкой! Качу... Мийтрей Петрович приехал, брийха ривёз! — кричала она, видно, по привычке так, что хоть уши затыкай.

И, уже обращаясь к нам и спускаясь по лестнице, обтирая руки о фартук:

— Терве тулэ, Мийтрей. Тулэ тьянэ. Тулэ, тулэ, кодима проходи.

— Что она говорит? — спросил я деда.

— Да это по-карельски: мужа звала да что я парня, тебя то есть, привез, в дом приглашает.

Перекрикивая хозяйку, у крыльца бешено лаял посаженный на цепь тёмный лохматый пёс, в котором явно текла кровь его предков — медвежьих карельских лаек.

— Что, Вейка, не узнал старого друга? — подошёл к нему дед без боязни.

Тот с рычаньем припал к земле, но потом выпрямился, завилял хвостом и приблизился к нему, виновато прижав уши, и начал тереться своей дымчатой шкурой о дедовы сапоги. Дед потрепал его по голове, и мы стали неспешно подниматься по широкой деревянной лестнице двухэтажного дома. Я только крутил головой налево и направо, настолько всё было для меня внове.

Кто бывал в карельских деревнях или еще дальше — на поморском севере, — тот, конечно же, видел, как строят там бревенчатые дома. В них под одной крышей объединялось всё: и хлев для скотины, которая жила внизу, и комнаты, в которых, бывало, жило и по три семьи, сеновал, дровяник и прочие необходимые в деревенском быту постройки. Говорят, что этот способ выживания в суровых северных условиях привезли с собой еще новгородские ушкуйники.

Есть, правда, и другая версия, что это ушкуйники у карелов подсмотрели, как такие избы строить, а уж потом начали их строить, когда вернулись, и у себя на Новгородчине.

Из дома нам навстречу выскочил хозяин в натальной рубаше.

— Мийтрей Петрович, хювя илта. Сопрался к нам — это хювя, харрашо. Суксей отин раз ссего был. Я тумая, может, сегодня приедете? Траствуй, терве тулэ, — говорил он, перемешивая карельские и русские слова, обнимая деда за плечи и похлопывая по спине.

— Терве-терве, Яша, здравствуй. Приехали, как видишь. Разве открытие можно пропустить? А это внучок мой, Женька.

— Траствуй, Женька, терве. Меня Яков Фомич зовут. Мы с твоим дедом двадцать лет назад в Ильинском такие дела было творили, такое заворачивали... Ну, давай сидор, да в избу проходите.

— Чего давай? — переспросил я, не поняв.

— Рюкзак сними, — улыбнулся, подсказав мне, дед.

Миновав сени, мы вошли в просторную, хорошо протопленную горницу, ярко освещенную электрической лампочкой, висевшей под потолком прямо на шнуре. Три прохода без дверей вели из горницы в комнаты. В самой меньшей мы и расположились.

— Сюльви, на стол собирай — ужинать пора!

Жена Якова захлопотала, выставляя на стол свои домашние яства, а мы с дедом, сполоснув руки, присели к столу, который непривычно стоял вплотную к стене между двумя окнами. Два старых товарища сели у окон друг против друга, а мы с Сюльви уже ближе к печке.

Дед и Яков расспрашивали друг друга о новостях, иногда вспоминая эпизоды из прошлой жизни, которые начинались словами: «А помнишь, Яша?..», «А помнишь, Петрович?..»

Я, глядя на них, слушал с интересом обрывки их воспоминаний, хотя кое-что они явно не договаривали. Им обоим достаточно было полуслова, чтобы окунуться в атмосферу не так давно минувших лет, когда один был еще не старый, а второй и того моложе. Ведь это время они вспоминали с удовольствием.

Я как-то спросил у деда:

— Когда вы с друзьями встречаетесь, я вижу, что вам нравится вспоминать свою жизнь. Неужели тогда было всё так хорошо?

— Нет, внучек, не всё хорошо было, а временами просто паршиво, но мы были молодыми, нам хотелось жить и сделать свою жизнь лучше. Порой нам казалось, что это удастся. Вон у Якова сын уже полковник, в Калининграде служит, дочки у меня тоже образованные, внуки уже есть, пенсии на жизнь хватает. Чего же еще вроде желать-то? А потом, знаешь, человеческая память имеет некоторые особенности. Мы ведь, даже вспоминая те тяжелые годы, находим в них хорошие моменты. Когда кто-то нас выручил или от смерти удалось уйти, или вместе мы что-то доброе сотворили. Совсем уж хреновые дни и тогда, конечно, были. Было их, внучек, ох как немало. Да чего их вспоминать? Помянем, бывает, рюмкой тех, кто до светлых дней не дожил, да и опять что-то доброе вспомнить хочется.

Весьма проголодавшись, я уплетал с удовольствием рассыпчатую картошку. Доставали мы её деревянными ложками из большой миски, где она лежала дымящейся горкой. Масла

сливочного, к которому я привык, на столе не было, но зато сметана в небольшом глиняном горшочке была такая, какой я в жизни не ел. Она была чуть розоватой и такой густой, что попытки вылить из горшка хотя бы малую толику заканчивались безуспешно. Она буквально таяла на языке. Цепляя ее ложкой и сдобривая этим вкусно пахнущим чудом размятую картошку и солёные грузди, я закусывал их карельской ватрушкой. С непривычной начинкой из пшенной каши, она носила еще и смешное для моего уха название — «калитка».

Хозяйка ласково поглядывала на меня, пока я ел. Ей явно нравилось, как я отдавал должное ее стряпне.

Вскоре закипел самовар, а у мужиков закончилась бутылка «Московской», которую дед выставил на стол. Мы принялись пить ароматный индийский чай, заваренный из пачки со слонем в фарфоровом чайнике с ядовито-малиновыми цветами на пузатых боках, который был установлен на верхушке самовара.

Я тогда впервые ощутил, что значит хороший чай на чистой воде. С тех пор люблю этот древний напиток, с которым кофе сравниться, по моему, не может. А впрочем, зачем их сравнивать? Наверное, традиции и приверженность к разным напиткам даже у родственных народов все же имеется. Если в Финляндии предпочитают кофе всем остальным напиткам, то в Карелии, конечно же, чай держит первое место. Здесь его и чтят, и различают по сортам. У каждой хозяйки свой способ заваривания и своя культура чаепития, которая в средней России во многом утрачена. Чай, нужно признать, в Карелии предпочитают крепкий и иронизируют при этом над москвичами. В каком-нибудь самом захудалом карельском доме у вас могут спросить:

— Вам заварки по-нашему или по-московски?

Наконец вскоре я услышал, как разговор старых приятелей перешел на гусей, ведь именно гусиная охота и была целью нашего приезда.

— Петрович, не сомневайся, всё готово, — говорил убежденно деду Яков. — Засиды я сделал на ржаном поле, гусь туда каждый день на кормёжку прилетает. Жаль только, что не сказал ты про внучка. Придётся ему попервости в телеге ждать. Ружьём, я так понял, ты его пока не снабдил. Пусть сначала посмотрит, что к чему, а потом



что-нибудь придумаем. Сейчас пусть лучше идёт вздремнет маненько, через три часа поедем.

## Охота

**В** деревне, освещаемой полной луной, как прожектором, было тихо-тихо. Только собаки иногда побреживали то в одном конце деревни, то в другом. У крыльца стояла лошадь, запряженная в телегу с большим ворохом сена на ней. Мы закинули в телегу мешок с припасами, дедово ружьё и устроились сами, на передке сел Яков. Чуть тронув лошадь вожжами, он почти не слышно повез нас по ровной грунтовке, уходящей за деревенские заборы в поля с перелесками.

— Как лошадь твою зовут, дядя Яша? — спросил я у хозяина.

— Руськой кличут, — отозвался он.

— А почему Руськой? — удивился я. — Она ведь не русая, а темно-гнедая.

— Вот поэтому и Руська, — буркнул Яков.

Когда мы тронулись, дед тихонько нагнулся ко мне и сказал:

— Это Сюльви лошадь так назвала. Она первая ее на руки взяла, когда лесхозовская кобыла ожеребилась. Руска — это по-карельски «коричневый».

— Вот это да, — подумалось мне. — Так, может, и название зайца «русак» от этого карельского слова происходит?.. Заяц ведь большую часть своей жизни и правда коричневатый, а не русский вовсе. А к русским у него весьма косвенное отношение.

Минут через сорок этой езды мы остановились.

— Петрович, давай устраивайся, это твоя засида.

Я слез с телеги посмотреть, что за место предназначено для деда.

«Засида», как сказал Яков, была сделана в канаве, прорытой для осушения полей. Позднее я узнал, что они называются мелиоративными.

Поскольку по дну канавы по щиколотку текла вода, Яков зарыл в землю обрезанную по кругу двухсотлитровую бочку, сплюсненную в овал, где было сделано сиденье для охотника. Дед достал из рюкзака жилет из брезента, на котором сзади были нашиты длинные карман-

чики. Надев его прямо на телогрейку, застегнул его на пуговицы, одернув, подвигался, чтобы проверить, удобно ли. Яков принес веток, наломанных с растущего невдалеке куста, и навтыкал ему веток в эти карманчики. Когда дед сел в бочку, то сзади от растущего куста его было не отличить. Перед лицом у него росли заранее вкопанные Яковым два небольших кустика, так что если положить на бруствер руки, а на них голову, то лица охотника практически не было видно. Дед положил перед собой ружьё и коробку с патронами.

— Ну, Яша, теперь дай бог, чтоб прилетели.

— Не сомневайся, Петрович, я вчера к вечеру по говнам проверял. Свежего много было, и погода подходящая.

Потом Яков достал со дна телеги из-под сена профили гусей и установил их сзади дедовой засиды. Я их насчитал восемь штук. Он их ставил слегка наклонно, как бы к деду из поля. Профили были хорошо разрисованы масляными красками, хотя в такой темноте больше отсвечивали в лунном свете их крашенные бочка, чем была различима окраска.

Завершив свою работу, он сел на телегу и вместе со мной отъехал метров на восемьдесят, где у него была сделана точно такая же засида, как у деда, разве что справа метрах в двадцати рос довольно раскидистый ивовый куст на краю канавы. Он велел мне привязать лошадь к кусту и спрятаться под сено, а сам установил профили недалеко от себя.

Закрепив вожжи, я умял сено в телеге, накрывшись с головой большим ворохом, в котором прокопал небольшое отверстие, чтобы наблюдать за происходящим.

Тишина стояла над олонечкой равниной, светили звезды, хотя стало чуть-чуть брезжить на востоке. Лежать в сене было хорошо. От его душистого запаха и чистого воздуха у меня даже слегка кружилась голова, и я снова задремал. Вдруг с западной стороны, откуда мы ждали прилёта гусей, захлопали дальние выстрелы. Судя по звуку, до них было не меньше километра. Через пару минут над телегой со свистом от машущих крыльев пролетели два гуся-разведчика, мгновенно скрывшиеся в темноте.

Прошло минут десять тягостного ожидания, я до боли в глазах всматривался в посеревшее не-

бо, пытаюсь разглядеть стаю. Наконец со стороны горизонта, где на конце огромного поля чернела полоска леса, послышалось неясное гоготание. Оно то становилось слышнее, то как бы перекатывалось слева направо. Послышались опять хлопки выстрелов по всему горизонту.

— Га-гак, га-гак, га-гак! — вдруг прозвучало прямо передо мной, и я увидел летящую почти прямо на меня, постепенно снижающуюся стаю больших, темных на фоне светлеющего неба птиц. Когда мой глаз их различил, до них было метров семьдесят, не больше. Послышалось шевеление слева от меня. Это Яков встал, уже не таясь, во весь рост. Гуси начали было отворачивать вверх и влево от него, но скорость их полёта была слишком высока. Два выстрела разорвали тишину. Один гусь был убит и грузно упал со сложенными крыльями в пяти метрах от засиды Якова.

Ударил еще один выстрел. Это дед стрелял в угон, развернувшись в своей бочке, по стремительно отдалявшейся стае. Один гусь вывалился из разлетающегося в стороны косяка и боком упал на пашню сзади нас, хлопая одним крылом и приподнимая носатую голову. Вторым выстрелом дед его добрал.

Яков шустро выскочил из бочки и подбежал к гусям, лежавшим на пашне. Заостренную палочку с концом в виде вилки он воткнул в землю, оперев на нее голову убитого гуся. Казалось, что гусь сидит и осматривает окрестности. Второму он подпер шею посередине такой же палочкой, только покорооче. Этот изображал из себя теперь гуся кормящегося. Всё это заняло не больше пяти минут. После этого охотник вернулся в свою бочку и затаился.

Опять от горизонта донеслись хлопки и послышалось гоготание, гораздо более громкое, чем раньше. Я сообразил, что теперь на нас идет не стая передового отряда, как в первый раз, а основной эшелон. Десятки косяков шли в нашу сторону, теперь уже ясно видные на фоне облаков в заметно посветлевшем небе.

— Га-гак, га-гак, — всё явственнее слышалось.

— Га-га-га-гак, га-га, га-га-га-гак, — вдруг громко раздалось со стороны засиды Якова.

— Как похоже! — подумал я. — Если бы не знать, что это манит охотник, решил бы, что за кустом гусак сидит и подругу кличет.

Четыре или пять косяков налетали на нас, идя на снижение.

Гоготание Якова звучало всё заманчивее. Две стаи, миновав нас, снизились до предела и пошли на посадку. Они рассаживались на кормежку метрах в тридцати за профилями со стороны деда. Туда же спланировала вторая стая. Из-под сена мне хорошо были видны расставленные лапы серых гусей. Они тут же начали клевать какие-то корешки, остатки ржи, чистили перья и ходили туда-сюда, с изумлением, как мне казалось, поглядывая на фигуры убитых гусей, подпёртые палочками. Два сторожевых гуся по краям стаи зорко поглядывали вокруг и оберегали покой остальных.

Яков начал медленно поднимать своё ружьё, чтобы не спугнуть птиц. Дед в своей засиде не шелохнулся, опасаясь помешать товарищу.

Дважды бухнуло ружьё слева от меня. Это отдуплетился Яков, дождавшись наконец, когда несколько гусей сойдутся так, чтобы их шеи перекрывались выстрелами.

Два гуся были убиты наповал, один еще трепыхался. Сидя Якову было неудобно быстро перезаряжать ружьё, и он встал. Стая шархнула от него. Гуси после двух-трёх шагов пробежки по пашне вышли на крыло, но стрелок уже перезарядил ружьё и послал два выстрела вдогонку уходящим вверх птицам.

Расстояние было убойное, и еще два гуся вывалились из стаи. Дед же после первого дуплета понял, что таиться теперь ни к чему, и, развернувшись, тоже дал дуплет по сидящим сзади него гуменникам<sup>1</sup>, которые уже начали взлетать. Два матёрых гуся в результате остались лежать на пашне.

Сердце у меня прыгало от радости, адреналин стучал в каждой жилке. Рябчиков я уже стрелял два раза, но увиденное сейчас было куда интереснее. Выстрелы грохотали отовсюду. Оказалось, что некоторые охотники находятся от нас не так уж далеко: метрах в двухстах-трехстах, не более. Поэтому порой, после того как в стороне слышался выстрел, по соломе или веткам куста слышно было, как шлёпают падающая в них на излёте дробь. Руська даже шархнула один раз, когда несколько дробинок шлёпнуло её по коричневой лоснящейся шкуре.

<sup>1</sup> Гуменник — водоплавающая птица отряда гусиных.

## Сдвоенный выстрел

**М**ы посидели еще с полчаса каждый на своём месте: мало ли гуси снова налетят. Однако сплошная канонада на горизонте говорила о том, что птиц, летящих на кормёжку с Ладоги, встречают выстрелами уже десятки, а может, сотни охотников. Испуганные гуси отворачивают в сторону и летят потом на высоте, недосягаемой для дробового заряда.

Из своей бочки вылез Яков и пошёл собирать убитых гусей. То же сделал мой дед. Я выбрался из сена. К Якову идти было поближе, и я решил ему помочь. Когда я подошел, он уже успел две пары битых гусей связать за лапы и уже хотел было перекинуть через плечо. Однако что-то привлекло его внимание.

— Женька, гляди: гусь-то удрал.

Я было бросился вслед за убегающей по пашне птицей, у которой волочилось одно крыло. Но меня остановил окрик Якова.

— Стой. Попасть сможешь? — протянул он мне свою длинноствольную курковку.

Не чуя себя от радости, схватил я ружьё, щёлкнул, взводя резными курками, и, поймав на мушку голову гуся, спустил курок.

Во время выстрела при отдаче я случайно нажал и второй курок. Два выстрела, оттого что я оба пальца засунул в предохранительную скобу, слились в результате практически в один. Заряды были крепкими. Удар, который я получил от этого дуплета, не успев толком прижать приклад к плечу, был страшным. Я отлетел от отдачи метра на два, упав навзничь, и выронил ружьё из рук.

Яков подбежал ко мне и тряс меня, что-то крича, но что, я не слышал, оглушенный выстрелом. У меня болели плечо и правая скула, по которой ударил прыгнувший при выстреле приклад. Охотник мне казался маленьким и уходящим куда-то вдаль, а слова его до меня не доходили. Как мне потом объяснили, похоже было, что я получил небольшое сотрясение мозга. Скоро сознание стало возвращаться ко мне, и я стал воспринимать происходящее. Подбежал испуганный дед, которого позвал Яков, и они вдвоём осматривали ружьё и меня.

— Я же тебе, Женька, говорил, — качая головой, высказывал мне дед, — ни за что два пальца в

курки не засовывай — разобьёт выстрелом обязательно. А тут, видишь, вон что получилось.

— Ружьё мне мог испортить, — кричал Яков. — Кто же два курка одновременно нажимает?! Тут же на гусей заряды усиленные. А если бы приклад лопнул или казенник из скобы вырвало, что тогда?!

В общем, мне уже было не до охоты. На телегу мои мужики свалили битых гусей, в том числе и того, что я стрелял своим произвольным дуплетом. Сдвоенный выстрел срезал ему голову у самой шеи. Я лёг на сено, и мы тронулись через поле по дороге в сторону леса, откуда еще время от времени слышалась ружейная пальба. Отличная погода и езда на повозке под мерное шлепанье копыт Руськи о влажную дорогу произвели на меня благотворное действие, и через полчаса я уже практически пришёл в себя.

## Гуси летят

**С**олнце поднялось уже высоко. Перелёт гусей с поля уже закончился, а с ним и основная охота. Еще кое-где слышны были выстрелы, но это были уже остатки, похожие на позднее эхо той канонады, которая была два часа назад.

Мы свернули с поля на дорогу, которая вела вдоль леса, и Руська бодро затопала по ней. Охотники компаниями устраивались на отдых, разводили костры, некоторые уже начинали драть перья с битых гусей. То там, то сям из леска среди деревьев можно было разглядеть стоявшие машины. Это сейчас в Олонецком крае джипы, «лэндрроверы» и «ландкрузеры», «тойоты» и «хонды», не говоря уже о «нивах» — обычный транспорт на открытии охоты. А в ту пору кое-где стояли начинавшие появляться в продаже «Москвичи-408», которые явно напоминали малолитражный «Форд», а в основном по обочине возле кустов стояли старенькие «Москвичи -407», а то и 401-е да выдавшие виды «Победы». Редко встречавшиеся «Волги» с оленями на капотах говорили о том, что в охоте принимает участие и партийное начальство из какого-нибудь горкома или райкома. Военные на пенсии — те предпочитали ГАЗ-67, называемый в народе «виллис», или почему-то «бобик», или «козлик». Встре-

чались и трофейные «опели» и «фольксвагены». Те офицеры, что еще продолжали служить, приезжали на служебных «Газ-69», которые, впрочем, тоже величались «козликами». Но это был народ из города. Деревенские, те, что поближе, топтали пешком, дальние добирались на мотоциклах. Тяжелый мотоцикл по тем временам был для деревни почти царский транспорт.

В котелках, висящих над костерками, у некоторых компаний уже булькало немудреное вариво, разливалась припасенная водка. Охотники поднимали тосты за встречу и поздравляли наиболее удачливых собратьев с трофеями. Иные хвастались оружием перед друзьями.

Тогда кроме «тулок» и «ижевков» довольно много было трофейных ружей и поступавших из Германии по репарации. У деда, например, был «зауэр», подаренный ему за хорошую работу от Министерства лесной промышленности. В те времена хорошее ружье было достаточно частым и весьма почётным подарком за трудовые заслуги. Никакого разрешения для этого не требовалось. А Яков, к примеру, из Венгрии, где он закончил войну, привёз в качестве трофея бельгийскую двустволку «льеж». Так что разбирать надписи на незнакомых языках и догадываться о клеймах на них тоже было одним из охотничьих ритуалов, в котором были свои знатоки.

Охотники, показывая свои навыки, частенько палили влёт по уже опустошенным бутылкам, которые подкидывали им в воздух товарищи. Когда я увидел эту забаву, мне стали понятны те частые выстрелы, которые всё еще раздавались то там, то здесь, несмотря на то, что утренний лёт гусей уже закончился.

В общем, мне казалось, что я очутился в каком-то охотничьем братстве на веселом празднике. Да ведь, наверное, так оно тогда и было.

Многие узнавали деда и Якова, приглашая присоединиться к их биваку. Иные шутливо спрашивали:

— Петрович, что ж ты не на «Победе»? — зная, конечно, что дед на пенсии, а машины за свою жизнь не нажил.

Он отшучивался:

— На кобылке привычной, да и для дичи спокойней.

С некоторыми охотниками они с Яковым здоровались, не слезая с телеги, к другим подходили, чтобы поздороваться за руку или обняться, но от наливаемой им водки вежливо отказывались.

Залезая потом на телегу, после того как мы отъезжали, я интересовался, что это были за люди. Дед всегда отвечал то сразу, то немного задумавшись, как бы вспоминая что-то, хотя было видно, что когда-то этих людей он знал хорошо. Он называл или нынешнюю должность, или ту, в которой он человека запомнил:

— Начальник стройуправления, районный прокурор, сторож со зверофермы, лесничий, механик с лесозавода, тракторист...

Иногда прибавляя отчество или чем ему запомнился человек:

— Это Иван Максимыч, пенсионер, в войну диверсионным отрядом командовал.

— Герой? — спросил я.

— Не трус — это точно. Был неудачный рейд, который стал последним для его отряда. Он один назад пробился. Весь его отряд за линией фронта лежать остался. Пять лет потом Максимыч в лагерях отмантулил, а потом у меня на лесосплаве работал.

— Он что, был виноват в гибели отряда? — изумился я, глядя на крепкого еще мужика с седой бородой.

— Был бы сильно виноват — расстреляли бы.

— А если не виноват, за что сидел?

— Значит, какую-то вину не сумел с себя снять, время было такое, — вздохнул дед.

— Этот с лысиной в кирзачах, видишь? Это — Гаврилыч. Он сейчас завкиноотеатром работает, коллективизацию здесь проводил в конце двадцатых.

— Уважаемый человек?

— Для кого как. Это с чьей стороны смотреть. Ведь кто с раскулаченных сапоги сдирал да на себя надевал, а кто без сапог на Кольский полуостров, к примеру Апатиты и город Кировск, поехали строить.

— Туда, где дядя Аркадий наш живёт?

Дед только утвердительно мотнул головой и печально вздохнул.

Я начал уже догадываться, что и этот замечательный дядька, который в далекой Мурманской области работал на огромном комбинате,

вырабатывая апатит для удобрений, тоже на Севере оказался не по своей воле. В школе нас учили, что все кулаки были богатые и злые, используя труд простых крестьян, они на бедных наживались. А еще они убили пионера Павлика Морозова, который был герой.

— Что, неужто он тоже был кулак?— спросил я про дядю Аркадия. — Ведь он же тогда маленький был? — усомнился я, прикидывая, что по возрасту он вряд ли мог быть матерым кулаком. — Он же добрый, весёлый, какой же он кулак?

— Родителей его сослали, а он уж там родился, когда ссыльные обустриваться начали. А ты себе как кулаков представляешь? По картинкам в журнале «Крокодил»? Должны они ходить в лаковых сапогах, с ножом в зубах и с обрезом в руках? А хозяин фабрики непременно в цилиндре и с мешком денег за спиной?

Тогда, наверное, впервые до меня начало доходить, что не всё было весело в той прошлой жизни, когда в газетах и кинофильмах людей убеждали, что «жить стало лучше, жить стало веселее». Я тогда начал узнавать, что все великие довоенные стройки Страны Советов велись в основном руками и на костях заключенных или сосланных раскулаченных мужиков.

Однако это понимание пришло позднее. А тут мне интересны были эти живые люди — каждый со своей судьбой, своей историей. В ту пору я еще не осознавал, что дед мой и есть та частица осязаемой, а не из учебников, истории Великой страны, где мне довелось родиться.

Так неспешно мы подъехали к костерку, где сидели на пеньках трое. В стороне стоял тяжелый мотоцикл с коляской грязно-зеленого цвета. Позже я узнал, что это был трофейный «Цундап»<sup>2</sup>.

Дед соскочил с телеги и с распростёртыми руками пошёл навстречу такому же седому, как он сам, белобровому деду, который протянул ему навстречу длинные натруженные руки с узловатыми пальцами.

— Здравствуй, Стёпа! Жив ещё? Как я рад тебя видеть. Охоту, гляжу, не забываешь. Мне говорили, приболел ты крепко, а ты вон здесь.

— Терве, Мийтрей, — заулыбался ему тот. — Каждому карелу Юмала— это Каспоть Бох, полгода жизни дарит, кто «ханхен ленто» встречает в поле. Кууси лейтят.

— Я уже подзабыл карельский. Что это «ханхен ленто»? — переспросил дед.

— Минан пухун венян, я ше каварю тебе по-русски: кууси лейтят!

— Ты, Стёпа, лаконичен, прямо как Юлий Цезарь. Хорошо ты это сказал: «Гуси летят». Больше и добавить нечего. Всё ясно, как же тут дома усидишь?

Дед потом обнялся со вторым, помоложе, которого он назвал Миша, потом протянул руку Алексею, средних лет кряжистому мужику.

Яков тоже с ними поздоровался и залопотал о чём-то по-карельски.

На брезентовом плаще у них была разложена немудреная снедь: вареная картошка «в мундире», несколько яиц, зеленым пучком лежал болотный лук, какие-то лепёшки и эти вкусные ржаные карельские калитки. Рядом под кустом лежали настрелянные за утро гуси.

— Неплохо отстрелялись, — одобрительно заметил дед, доставая свой саквояж со съестными припасами.

— А у вас как?— поинтересовался Алексей.

— Загляни под сено, — пригласил его Яков, который начал уже рассёдлывать лошадь. Тот подошёл и присвистнул.

— Ну, вы даром время не теряли.

— Кто рано встаёт — тому Бог даёт, а кто поздно глаза продирает — тот чужой стол вытирает, — проговорил дед.

— Всё у тебя, Дмитрий Петрович, прибаутки, а ведь и мы не поздно встали. Но так, как Яков, гусей манить у нас не многие могут. Как ты меня учил, дядя Митя, — вспомнил Алексей, — в таких случаях нужно говорить: «С полем вас, Дмитрий Петрович и Яков Гаврилыч!»

Дед заулыбался, тут же подхватив:

— А вас, мужики, со сладкой водочкой.

Это было для меня еще одной новинкой в охотничьем ритуале.

— Дед, откуда ты эту поговорку взял?

— Бывало, у нас баре на охоту съедутся, а любители они перепелов пострелять, а то и на дудаков<sup>3</sup> поедут. Так обязательно, если только какой из них удачный выстрел сделает, первому, кто

<sup>2</sup> «Цундап» — марка немецкого мотоцикла.

<sup>3</sup> Дудак — то же, что дрофа. Птица семейства журавлиных.



поздравил его этими словами, бутылка водки доставалась.

— Ты что, и помещиков помнишь, и как они охотились?

— Всё я, внучек, за свою жизнь помню.

— А что ж ты мне так мало рассказываешь?

— Сначала казалось, о чём говорить-то? Жизнь как жизнь. Да и не обо всём можно было рассказывать. Малой ты был еще. А сейчас, гляжу, кое-что, пожалуй, можно и поведать, может, поймёшь и не осудишь. Всё меньше нас остаётся из прошлого века, скоро не от кого услышать будет, как всё было.

— Ага, одни учебники по истории останутся, — подхватил я сдуру.

— Да ведь и учебники частенько врут.

— Как это? Не может быть, — изумился я. — История ведь одна?..

— Одна. Только книжки живые люди пишут. Здесь подправил, здесь умолчал, глядишь — совсем другая история получается.

Все вместе мы присели к охотничьему столу. Мужики стали выпивать и закусывать, мне по молодости лет водки не наливали, и я пил горячий чай из эмалированной кружки, наливая его из закопченного чайника и уплетая калитки с картошкой, намазанные сверху солёной шучьей икрой. Потекли потом незаметно у моих старших товарищей разговоры и воспоминания. Даже немногословный карел Степан Неволайнен иногда вставлял словцо.

— Женька, а ты знаешь, что это из-за Степана я в Карелии оказался? — вдруг спросил меня дед.

— Откуда же мне знать? Никто не говорил.

— Он ведь мне в Гражданскую, когда мы с Деникиным воевали, жизнь спас. Вот я потом и решил: надо мне пожить в том краю, где такие настоящие мужики живут.

Дед с мужиками выпил за Степана и своё счастливое избавление от смерти. В котелке тем временем поспела гусятина с картошкой, и мы начали растаскивать её по мискам. Блюдо было, как мне показалось, вкусноты необыкновенной.

— Жень, а ведь я, можно сказать, из-за гусей в Красную Армию пошёл, — вдруг сказал изрядно захмелевший дед.

— Как это? — изумился я.

— Вот так, как-нибудь расскажу. Ты только мне напомни. Сейчас другие разговоры есть.

## Полет вдвоем

День у нас завершился тоже неплохо. Покинув бивак наших друзей, после того как мы всласть на свежем воздухе выпались, навёрстывая короткую предыдущую ночёвку, мы двинулись дальше за поле, где были залитые водой, еще не высохшие лужи. Это были места кормёжки крякв, куликов и прочей водоплавающей и болотной живности. Вот тут мне Яков объяснил, как можно охотиться с помощью лошади. Я спрятался с дедовым ружьем под сено, и мы с Руськой тихонько тронулись в сторону спокойной сидящих метрах в ста уток. Оказалось, что подпускают они лошадь по крайней мере метров на двадцать, ближе я не пробовал, да и ни к чему ближе при наличии ружья.

Дистанция для стрельбы лучше и желать не надо. Более того, после первого моего дуплета по стае уток не все они сообразили, что происходит, поэтому я, уже разогнувшись, смог перезарядить «зауэр» и шарахнуть еще раз по тем, которые остались сидеть. Оценил я и помощь Руськи, которая не боялась выстрелов, даже если я стрелял с телеги.

Добыл я двух подранков и с шестью утками, чуть не лопааясь от гордости, подъехал к ждавшему меня деду и Якову. Дичи у нас было набито для первого дня охоты больше чем достаточно. Мои мужики решили ехать домой, но при этом приняли решение заглянуть в совхозную чайную. Это был небольшой крюк — лишних два километра. Поэтому с разговорами и воспоминаниями друзей-стариков, обсуждая, кто и как сегодня действовал, дорога эта не показалась мне скучной.

Когда мы подъехали к чайной, там уже народу было полно. Она всего-то вмещала человек двадцать. Вообще, у нее только название было «Чайная», а так это была обычная, на мой взгляд, сельская столовая, где можно было съесть дежурные щи, а на второе получить расплзшиеся теплые макароны с сухой котлетой, состоящей наполовину из хлеба, щедро политой луковым соусом. Мужики туда заходили по выходным и праздникам в основном попить пивка, завозимого туда в настоящих дубовых бочках. При этом, чтобы налить каждую кружку, нужно было поработать руч-

кой насоса. Были там и разливной «Портвейн №33», и водочка трех сортов, а еще была возможность общаться за небольшие деньги.

Сельские женщины не очень жаловали эту чайную и появлялись там редко. Но если муж пропал из дома на пару часов, то, по крайней мере, ясно было, где его искать.

Нам повезло. Как раз две такие энергичные карелки, не стесняясь в выражениях, вытащили своих мужей из-за стола, периодически награждая их тумаками, и направились к выходу. За ними потянулись двое других, сидевших с ними за одним столом. Короче, неожиданно освободилось четыре места за столом слева от выхода, что деда с его другом как раз очень устраивало.

Мы расположились за столом. Точнее, они положили свои кепки на стулья и встали в очередь за пивом, а за столом остался только я. Когда мои друзья-охотники, взяв по паре кружек, подхватили их, чтобы пойти присесть уже за наш стол, дверь в чайной распахнулась — кто-то со всей дури шарахнул по ней ногой. В чайную ввалились четверо молодых людей изрядно под хмельком. Одному в сапогах гармошками, над которыми нависали запроваженные в них серые брюки, было лет двадцать пять, тому, что был в невиданной мною ранее чёрной форме и черном берете, едва двадцать, еще двоим — по семнадцать-восемнадцать, не больше.

Оглядев помещение чайной, старший из них сразу шагнул к нашему столу со словами:

— Пацан, давай выметайся отсюда, рано тебе еще пиво пить. А может, ты портвейна ждёшь?

Он сам и трое, что были с ним, захохотали, а он выдернул из-под меня стул, так что я чуть не шлепнулся на пол.

— Я не портвейн, я деда жду, — дрожащим от обиды голосом пролепетал я.

— Вот на улице и подожди, — заржал он, усаживаясь на моё место. Остальные начали рассаживаться вслед за ним.

В это время с кружками, полными пива, в руках подошли дед с Яковом.

— Ошибочка вышла, молодые люди, — проинёс дед. — За этим столом мы сидим. Вот и кепки наши.

— Это мы сидим, а вы пока стоите. Кепочки можете свои забрать, они нам на фиг не нужны, — захохотал опять старший, сверкая золо-

тыми фиксами. Он достал из кармана серого пиджака пачку «Беломора» и закурил. Я заметил, что у него на правой руке, на пальцах, вытатуированы два перстня.

— Садись, Васёк, — обратился он к парню в форме, — продолжим наш праздник, ты же недаром два года этих обормотов защищал. Теперь гуляй, Вася.

— Те, кто Родину защищают, сейчас на Кубе порядок наводят, а не в пивных дедам грубят, — вмешался Яков.

Тот, что в чёрной форме, на груди которого звенели разные значки, еще не успел опуститься на стул. Однако он обиделся и заорал.

— А я что, на Дальнем Востоке карамельки сосал? А ну, извинись, старый пень, а то плохо тебе будет.

— Это что за форма на тебе такая?— спросил его строго мой дед.

— Морская пехота, чтоб ты знал.

— Ни хрена ты тогда из своей службы не понял, раз на стариков замахиваешься.

— Я сам «старик». Я — дембель. Слышал такое слово?

— Сосунок ты, а не «старик».

— Выйди на улицу, — зарвел деду в лицо морпех, брызгая пьяной слюной.

— Хрен с тобой, пошли, только не сбеги, — вдруг согласился дед и направился к выходу.

За ним пошел небрежной походкой морпех, затем встал их старший, потом Яков, потом повалили остальные. Я тоже едва протиснулся в дверь.

Когда они спустились с крыльца и дед сделал шаг пять под горку, его остановил морпех.

— Не надо, старик, далеко ходить, всё и так будет ясно.

— Пожалуй, — согласился дед, повернувшись к нему.

Морпех схватил его за отвороты телогрейки, прикидывая, очевидно, как лучше свалить.

— Бить я тебя не буду, старый ты, а вот поклониться мне придется, — пьяно ухмыляясь, проговорил верзила в форменке.

— Крепко держишь и не вырваться, — вдруг съехидничал дед. Руки его висели вдоль тела.

— Что он делает? — со страхом подумал я. — Зачем его злит? Ведь парень-то здоровый и выше деда.

— Крепче держи, а то не удержишь, — вдруг сказал дед, слегка отступая назад.

— Удержу, — сквозь зубы выдавил морпех, и, действительно, у него даже пальцы побелели, которыми он держал деда за телогрейку.

Вдруг дед рывкнул ему в лицо так, что даже вокруг все вздрогнули:

— Полундра!!!

Сам он при этом схватил его за форменку со значками, так что некоторые, отстегнувшись, отлетели на землю, и резко спиной бросился на землю назад, под горку. Правая нога его при этом уперлась в живот морпеха. В тот момент, когда дед лопатками согнутой колесом спины коснулся земли, я увидел, как его правая нога с силой разогнулась. Противник его, который и так летел через него с величайшим изумлением на лице, грохнулся, перевернувшись, во весь свой рост на землю. Дед же, перекатившись через голову, вскочил на ноги и встал над поверженным морпехом в полусогнутой стойке со сжатыми кулаками.

В это время на горшке ближе к пивной, где стояла толпа несколько растерянных происходящим зрителей, раздался крик:

— Бей их, мужики!

Началась драка. Золотозубому ударили в ухо, и его кепочка серым блином покатила по земле. Когда он хотел ответить своему обидчику, его еще раз самого ударили по затылку так, что он упал на колени, и тогда его начали бить сапогами деревенские мужики. Видно было, что он здесь всем уже надоел. Двух малолеток, что были с ним, нахлопали по ушам и пинками отправили вниз. Минуты две морпех ничком лежал на земле, видно, расшибся о каменистую горку и приходил в себя. Он открыл глаза, перевернулся на спину и увидел деда в стойке над ним, потом облизал разбитые губы языком и медленно сел.

— Сынок, ты не расшибся? — участливо, с издёвкой спросил дед.

— Ни хрена себе музыка, — пробормотал тот, мотая опущенной головой. — А ты, дед, не прост.

— Извиниться не хочешь?

— Ну, извини...

— Не «ну извини», а «извините, пожалуйста». Не извинишься, будешь сидеть на земле — я сидячих не бью, но встать не дам.

Толпа, бросив лупить золотозубого, уже сгрудилась вокруг них.

— Извинись лучше — не прав кругом, — крикнул кто-то.

— Извините, бес попутал, — опустил голову дембель.

Послышался треск тяжелого мотоцикла, и у чайной, лихо развернувшись, остановился милицейский мотоцикл. Из него вылез милиционер в синей форме с серебряными погонами старшего лейтенанта, обутый в начищенные хромовые сапоги, и с коричневой кожаной планшеткой в руке. Я понял, что это деревенский участковый.

— Что за шум? — спросил он.

Мужики загалдели, пытаясь каждый по-своему объяснить ему происходящее.

— Всё, помолчите, сам разберусь.

Мужики замолкли.

— Что, Петя, выпросил, наконец, у населения благодарность?

— Ничего, это сегодня они храбрые. Да еще энкавэдэшника откуда-то чёрт принес, а там опять на моей улице праздник будет.

— Посажу я тебя, и не будет. Что тут за энкавэдэшник объявился? — спросил он, подходя к деду.

Я понял, почему его так назвал татуированный. Дед, хотя и был в защитного цвета телогрейке, но на нём были суконные чёрные галифе и блестящие хромовые сапоги. Когда участковый подошёл к нему и приложил руку к козырьку, очевидно, желая потребовать документы, дед вдруг бросился к нему.

— Ревенко, ты?

— Дмитрий Петрович, отец родной! Да ты ли это?

— Как видишь.

— Опять воюешь?

— Пришлось, хотя и не хотелось.

— В гости заходи, хозяйка рада будет.

Он заметил морпеха, который собирал с земли потерянные значки.

— Васька, а ты тут что делаешь? Всё не нагуляешься? Ведь третий день пьешь. Мать стол накрыла, невеста с родителями к вам пришла, а ты с шелупонью этой связался. А ну, садись в коляску!

И они через минуту укатили, треща и воняя

мотоциклетным выхлопом по посёлку. Мужики вернулись в пивную, бурно обсуждая произошедшее. Сели за стол и мы. Пока они пили своё пиво, я выдул бутылку крушона, и мы поехали на Руське к Якову домой.

— Дед, что за приём ты показал этому парню? Это что, самбо?

— Не знаю, есть ли такой в самбо, я ведь его не изучал.

— А что же это?

— Была такая борьба у японцев, джиу-джитсу называется, говорят, у китайцев похожая тоже есть. Этот прием по-японски «томозэ нагэ» называется. Если перевести, то это будет примерно как «полёт вдвоем».

Я только слышал мимолетом, что была борьба с таким названием в начале века. Но нас всегда уверяли, что самбо — борьба, изобретенная в Советском Союзе, — гораздо лучше. В то время восточные единоборства не рекламировались.

— Вот здорово. И ты этой борьбой владеешь?

— Да что ты. Для этого несколько лет заниматься нужно. Два десятка приёмов я видел, как выполняются, а три знаю как следует.

— Где же ты научился? У нас ведь эту борьбу не преподают?

— Японец один показал.

— А японца ты где нашёл?

— Китайская рота рядом с нашей стояла. Это еще в Гражданскую было. Вот в этой роте один большой умелец этой борьбы служил. Он мастером был настоящим. Что успел мне показать — я на всю жизнь запомнил.

— Когда это? Какие китайцы? Разве они за красных воевали? — изумился я.

— В Гражданскую до еще как воевали. И латыши, и мадьяры, и немцы, и финны, и китайцы за красных воевали, ну не все, конечно, но довольно много. Ты про интербригады<sup>4</sup> слышал? Вот такая китайская рота интербригадовцев у нас воевала. А японец к ним случайно затесался. Но вояка был хоть куда.

— И что с ними стало?

— Не повезло им. Слышал я, на них казаки Улагая<sup>5</sup> налетели, а те рубаки были отменные. Так что саблями посекали их всех до единого. Да, я гляжу, вас не очень хорошо в школе учат. Ты вон отличник, а многого не знаешь, что не так уж давно и было.

— Всё знать нельзя, — ответил я.

— Но стремиться-то к этому надо, — улыбнулся он. — Ты меня чаще спрашивай. Я, что помню сам, расскажу.

Так мы с дедом заключили негласный договор. На охоте часто у костра, когда мы с ним бывали вдвоём, он мне понемногу рассказывал кое-что из событий, с ним происходивших. Набравшись впечатлений от рассказов о тех временах и его делах, я любил потом заглядывать в специальную литературу, пытаюсь оценить и ситуацию, и поступки людей, живших за сорок-пятьдесят лет до моего рождения. Постепенно дедовы рассказы стали формироваться в некое подобие хроники его жизни. Потом уже я осознал, что это не только история жизни моего предка, это еще и часть истории моей страны, моей родины.

Ведь в начале века дед оказался в самой гуще событий, которые меняли не только его жизнь и быт его семьи, на его глазах менялся весь мир, и он был одним из тех, кто приближал эти перемены.

Частенько я приставал к нему с вопросами:

— Дед, а ты Ленина видел?

— Нет, лично не довелось.

— А Сталина видел?

— Видел, в 1919 году, но помню плохо. Он тогда на меня впечатления не произвел.

— Как это? Ведь в ваше время его называли «Великий вождь всех времен и народов».

— Это уж позже, после Гражданской, когда Ленин умер, а тогда, в 1919-м, совсем другие были герои.

Я всё пытался у него добиться, не жалеет ли он о том, что произошла Октябрьская революция. Отвечал он мне по-разному. Для себя я понял, что не все то, что делали красные и Советская власть, было ему по нутру, однако он поверил в Великую идею всеобщего равенства и благоденствия, которых без революции быть не могло. Мой детский вопрос: «А как бы вы без революции жили?» вызвал у него улыбку.

— Да так бы и жили — не тужили, — ответил он.

<sup>4</sup> Интербригады — подразделения, сформированные из граждан других стран. Воевали во время Гражданской войны на стороне Красной армии.

<sup>5</sup> Улагай С.Г. — герой русско-японской войны. Генерал-лейтенант Белой гвардии. Командовал кубанскими казаками.



— Так ведь до революции в России голод и нищета были, а страной кровавый царь и буржуи управляли, — твердо усвоив установки советских учебников, допытывался я.

— Что-то я голода у нас до революции не припомню. Вот в двадцать пятом, в двадцать восьмом и в начале тридцатых — вот тогда голод был. В тридцать втором даже новое слово появилось «голодомор». Вот институт при царе вряд ли бы я окончил, — рассуждал он. — И дети мои в университетах бы тоже не учились. Так, может, и не всем надо туда? Кто-то и на земле работать должен?

В моем детском сознании дед всегда был большим лесным начальником, который летом ходил в белоснежном кителе и белой фуражке с бархатным зеленым околышем, а если шел по поселку, то все с ним здоровались. Родители мои были люди весьма образованные. Отец был геологом, а мать в университете преподавала. Я никогда не задумывался, а кто же были их родители, к какому социальному слою они относились. Поэтому, услышав такое, спросил я деда и о происхождении его семьи.

— Да из крестьян я, внучек, из обыкновенных крестьян.

— Так ты не всегда лесом командовал?

— Да что ты. До этого много всего было. Узнаешь еще, не все сразу.

Много лет спустя, после смерти деда, я как-то подумал, что будет неправильно, если я своим внукам не поведаю, кто же был мой дед, как жил, что творил. Люди должны помнить о своих предках, о делах их славных и не очень.

Деда своего Кирсанова Дмитрия Петровича я в последний раз увидел незадолго до его смерти. Он лежал в госпитале для ветеранов. Поместили его уже в отдельную палату, куда переводили безнадежных пациентов. Он иногда пытался встать и что-то говорить, но было ясно, что дни его сочтены.

Я заканчивал свою учебу в московской академии. Когда уже экзамены были сданы и я, как говорят, «вышел на диплом», появилось у меня три свободных дня, что дало возможность махнуть в родной Петрозаводск.

Когда я вошел в палату, конечно, дед меня узнал. Слезы потекли по его плохо выбритым ще-

кам. От пакета с фруктами и пирожками он отмахнулся и потянулся ко мне.

— Женька... Приехал всё-таки... Я думал, уже тебя не увижу, — шептал он, когда я одновременно и обнимал его, и придерживал за спину. — Мне ведь совсем недолго осталось.

— Ну, что ты, дед, — успокаивал я его. — Выкарабкаешься. Не такое бывало. Мы еще на гусей с тобой съездим.

— Нет, — помотал он головой. — Не видать мне больше, как гуси летят.

Его начал бить кашель, который перешел в приступ астмы, и я нажал кнопку вызова врача. В палату быстро вошла медицинская сестра с принадлежностями для укола. Введя деду лекарство, она заявила безапелляционно:

— Посещение заканчивайте. Время вышло. Больному, кажется, ваш разговор не на пользу.

Дед сквозь кашель сделал мне знак: останься. Я заверил ее, что долго не задержусь, и опять нагнулся к нему. Он с усилием остановил свой удушательный кашель.

— Просрали мы, Женька, революцию! — вдруг неожиданно ясно заявил он. — Эх, жаль, годы уже не те.

— Что случилось, дед? — изумился я такому заявлению, прикидывая, что, может быть, на его сознании уже начинает сказываться развитие болезни. Однако дед был в своем уме. Немного пожевав губами и набрав воздуха, он продолжил свою мысль:

— Как же мы не заметили, что вырастили партийное барство? Незаметно за сладкими речами наших же партийных засранцев и колыханьем красных знамен на съездах на шею простым людям уселись. Плевать они хотели на народ. С трибуны одно, а на деле другое. Да разве за это мы сражались? Начинать надо всё по новой. Андропыч было взялся, да здоровья у него не хватило. Нельзя давать превращать себя в быдло — запомни это. Хотя не дай вам Боже для этого искупаться в крови. Это укрепляет сознание собственной правоты, но очень пачкает руки. Делайте все так, чтобы никогда не пожалеть о том, что вы сделали.

Когда я выходил из его палаты, та же дежурная сестра, не сводя глаз с моих капитанских погон, спросила:

— Это правда, что он ваш родной дед?

— Правда, а в чем дело?

— Он позавчера нам тут такое устроил...

Из ее сбивчивого рассказа я понял, что дед зашел по ошибке не в свою палату, в которой его разместили вдвоем с ветераном войны, а в ту палату, что была этажом выше, где лежал на профилактическом обследовании секретарь обкома партии.

Убранство палаты и еда, которая была на столе партфункционера, были в резком контрасте с тем, что было у других. В это время в Карелии продуктов давно уже не хватало. Введено в оборот было более 20 видов талонов на продукты питания, и жизнь с каждым днем становилась все хуже.

Дед мой начал было говорить, что партийный руководитель должен быть скромнее и жить как все, а тот заявил старику, что тот выжил из ума. Оба были искренни в своих эмоциях. Но когда секретарь заявил, что ему достаточно пальцем шевельнуть, чтобы Кирсанова убрали из больницы, старик в ответ назвал его «недобитой контрой» и «гнидой». Секретарь кнопкой вызвал медперсонал. Прибежали медсестры, но дед не дал себя спеленать, даже когда они на подмогу вызвали санитаров. К тому времени он уже покинул секретарскую палату, плюнув напоследок на пол. Догнали его этажом ниже, в пяти шагах от нужной ему

двери. Дмитрий Петрович пообещал, что переломает кости каждому, кто до него дотронется. Так от него и отстали. К вечеру у него схватило сердце и стало становиться всё хуже. Через неделю, так и не оправившись от стресса, дед мой умер.

1985 год был на исходе. К власти уже пришел Горбачев, начинало веять духом больших перемен в Советском Союзе и в мире. Дед немного не дождал до начавшейся вскоре перестройки и, я думаю, не все бы принял «на ура» из нашей сегодняшней жизни. Думаю, он не понял бы, скажем, развала СССР. Многого свалилось на плечи людей его поколения. Они работали и сражались, отстаивали Родину и поставили ее на ноги. Были победы, были и ошибки. Сейчас судить об этом проще, но давайте о них не забывать.

Вечная нашим предкам память!

□

### ***Евгений Александрович ПЕККИ***

*родился в 1951 году в г. Петрозаводске.*

*Окончил Петрозаводский госуниверситет, инженер-строитель.*

*Стихи публиковались в литературных журналах, альманахах, а также всероссийских журналах «Ветеран МВД» и «Охрана», поэтических сборниках и периодической печати.*

*В Карелии известен как поэт-песенник.*

*В 2008 году выпустил сборник стихов «Трудные версты».*

*Автор ряда прозаических произведений, отмеченных дипломами литературных конкурсов МВД России.*

*Заслуженный работник правоохранительных органов Республики Карелия.*

*Живет в Петрозаводске.*

*В журнале «Север» публикуется впервые.*

